

Сергей Штанько
*Удивительное путешествие
и необычные деяния мистера Сайфера*

Повесть, рассказы, миниатюры

Сергей Штанько
Удивительное путешествие
и необычные деяния
мистера Сайфера. Повесть,
рассказы, миниатюры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060560
ISBN 9785447414146

Аннотация

Таинственное убийство, преступник, о котором почти ничего неизвестно, разыскиваемый и полицией, и своими коллегами по криминальному миру, случайные попутчики на бескрайних пыльных дорогах под тусклым осенним солнцем – всё в этой книге переплетено с рассуждениями о добре, зле и общественном устройстве, сохраняя интригу до последних страниц.

Содержание

Удивительное путешествие и необычные деяния мистера Сайфера	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Удивительное путешествие
и необычные деяния
мистера Сайфера
Повесть, рассказы,
миниатюры**

Сергей Штанько

Иллюстратор Вероника Валерьевна Земскова

© Сергей Штанько, 2020

© Вероника Валерьевна Земскова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-1414-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Удивительное путешествие и необычные деяния мистера Сайфера

«Войска повстанцев окружают Фоменто, пока не ясно, удалось ли им уже взять город в кольцо и каковы действия правительственных войск, информация с места событий появляется самая противоречивая...» – сквозь помехи и прохладные ещё лучи рассветного южного солнца разносилось из динамиков над прогулочной палубой парохода, отходящего из Джексонвилла в Гавану. Из слушателей были только грузный пожилой джентльмен, куривший сигару, восседая на стуле у самого борта, вальяжный и задумчивый, словно памятник буржуазной солидности и собственного благополучия, да молодой мужчина в светло-бежевом костюме, читавший газету, пока столик перед ним сервировался для завтрака проворными руками стюарда.

– Как полагаешь, Карлос, – обратился мужчина к белозубому мулату, не отрываясь от чтения, – дойдут эти ваши повстанцы до Гаваны? Мне хотелось бы отдохнуть у вас спокойно.

– Сложно сказать, дойдут ли, сеньор, – белозубо улыбался в ответ стюард, – Кастро говорит одно, правительство – противоположное, да вот только к тому, что правительство

лжёт, уже все привыкли, а сколько веры тем повстанцам – пока не ясно. Может статься, вторые не лучше первых, тем более что Батиста сам пришёл к власти с помощью переворота, просто у него это вышло быстро.

– Полагаешь, Кастро в случае успеха не станет лучше Батисты?

– Те книги, что я читал в школе, говорят, что власть почти никогда не меняется, только принимает новые формы, да всё одно, все хотят власти и денег, а богатство не уменьшает жадности. Поэтому не думаю, что что-то изменится, не дурак ведь Кастро отказываться от всех этих казино и туристов, так что для вас ничего не изменится, отдохнёте себе спокойно. И для нас ничего не изменится, только налоги будем платить в другой карман. Примерно как у вас инаугурация нового президента, только с войной вместо выборов.

– Надеюсь, Карлос, ты прав, и вам не устроят тропический вариант России, – отвечал пассажир, с интересом выслушав кубинца. – И принеси мне, пожалуйста, кофе.

– Конечно, сеньор Сиззи, одну минуту, – отвечал, уходя, стюард, вновь оставляя всё внимание мужчины его газете.

«Полиция уже установила личность убийцы предполагаемого босса нью-йоркской мафии Тонино Бадольини, тело которого было обнаружено вчера в доках в нижней части Ист-Ривер. Убийство было сразу приписано так называемому Гудзонскому Ассасину, таинственному киллеру мафии, на счёт которого относили практически все громкие

убийства в криминальной среде на севере страны за последние пять или шесть лет. Об этом человеке не было ничего известно до сегодняшнего утра, когда полиция при осмотре места преступления обнаружила членскую карточку одного из атлетических клубов Нью-Джерси на имя Луиса Сайфера. Очевидно, потеря карточки стала результатом анекдотичной оплошности или же фатального невезения неуловимого убийцы. Проведённая полицией проверка показала, что имя это – настоящее, также уже известно, что Сайфер проходил военную службу в Корее, там и было сделано единственное имеющееся у полиции его фото».

Ниже газета любезно предоставляла вниманию читателей означенное фото: двое юношей, почти ещё дети, широко улыбаясь в камеру, стоят, опершись на винтовки, странно контрастируя своей юной беззаботностью с кровавой сложностью того взрослого дела, для которого они туда прибыли, так же, как и умиротворяющий пейзаж на фоне казался насмешкой над изображением поля боя.

«К расследованию уже подключилось ФБР, и, если хотя бы четверть из приписываемых Ассасину убийств действительно совершил Сайфер, его арест может стать самым громким делом со времён Капоне».

В запахе моря вмешался согревающий аромат кофе, и на стол опустился поднос с дымящейся чашкой. Пассажир повернул к стюарду газетную страницу с фотографией:

– Читал сегодняшнюю газету, Карлос? Такой милый был

парень, а сделал такую карьеру.

– Sí, мистер Сиззи, – отвечал Карлос, взглянув на фото. – Наверное, каждый добивается успеха в том деле, которое ему хорошо даётся. Быть может, война его на это толкнула.

– Да, то, чему учит война, едва ли применишь в мирной жизни. А с другой стороны – может, не так плохо, что он убил такого опасного преступника? В каком-то смысле, он сделал мир чуть лучше, хоть и плохим способом.

– Может, он сделал мир лучше для простых людей, которых держал в страхе этот мафиози, да хуже для полиции и правительства, – пожал плечами мулат. – Ведь полиция без преступников почти как врачи без болезней.

– Да ты философ, – ухмыльнулся мужчина, с интересом глядя на стюарда. – Как думаешь, смогут его найти?

– По одному имени и такому фото едва ли. Да и он, судя по всему, должен быть чертовски ловким малым, если хоть отчасти верно то, что о нём пишут.

Мужчина откинулся в кресле и прикрыл глаза, подставляясь утреннему солнцу, и печать долгого напряжения в правильных и не лишенных благородства чертах его лица постепенно растворялась в безмятежности, словно смываемая ласковым лучами и солёным морским ветром.

– Мне всегда симпатичны талантливые люди, – негромко произнёс он, – даже если их талант не всегда используется в тех целях, что обычно считаются благими.

Крепкая рука протянулась к подносу и ухватила кофей-

ную чашку, словно тигриная лапа добычу.

В полутёмном кабинете мрачного колониального особняка на границе Нью-Йорка и Нью-Джерси сидели, разделяемые бутылкой марсалы, за массивным изукрашенным резьбой столом сидящий импозантный мужчина в дорогом костюме и крепкий мужчина лет тридцати в спортивной куртке. Тот, что был старше, выглядел явным хозяином дома и положения, создавая ореол властности и уверенности, младший же выглядел как человек, который знает себе цену, и знает, что она высока. Комната обилием книг походила на библиотеку, а строгой роскошью обстановки говорила о вкусе и немалом достатке своего владельца. За окном, выходящим в сад, медленно падал большими хлопьями снег, создавая идиллически домашний вид рождественской открытки.

– Пресвятая Дева, Луи! – всплеснул руками хозяин. – Как ты мог потерять там эту чёртову карту?

– Как обычно вещи теряются, – было ему ответом пожатие крепких плеч в спортивной куртке. – Выпала из кармана.

– Ты так говоришь, словно тебя это не беспокоит.

– Главное, дело сделано, – невозмутимо продолжал Луи, – а эта потеря только несколько осложняет мои дальнейшие действия. В конце концов, едва ли меня можно найти по этой улике.

– Это верно, – примирительно вздохнул хозяин. – И ты сделал хорошее дело. Тонино был дурным человеком, упо-

кой Господь его душу, дурным и чертовски опасным, и ты избавил многих людей от серьёзных проблем.

– Без обид, Фрэнки, – суровое лицо мужчины разгладилось улыбкой, – но пари готов держать: Бадольдини мог бы сказать о тебе то же самое.

– Мог бы, – задумчиво кивнул вальяжный хозяин, – но между нами большая разница. Я бизнесмен, а не убийца и наркоторговец. Даже если бизнес иногда сопряжен с насилием, я иду на это ради дела, и не только для себя. Я достаточно богат, чтобы иметь возможность бросить всё это и уехать в Швейцарию, на Ривьеру или домой на Сицилию. Но от меня зависит благополучие других людей, а я человек чести и не могу их оставить, пока не передам дело тому, кто сможет его продолжить. А Тонино было плевать на всё это, он хотел только денег и власти и хотел немедленно, не задумываясь о последствиях. Он не останавливался перед убийством ради нескольких лишних долларов, он готов был продавать оружием всем подряд, не заботясь о том, что оно будет стрелять и сеять панику на улицах. А ещё он продавал наркотики, несмотря на то, что все семьи выступили против этого, он врал всем и пытался скрыть это, но разве скроешь всех этих наркоманов с пустыми глазами, которые заполонили улицы?

– Разве продажа наркотиков – это не такой же бизнес?

– Нет, не такой же, – глаза Фрэнки сузились и вперились в лицо собеседника. – Бизнес должен помогать людям. Кто-

то хочет взять денег в долг, построить дом, купить машину или оливкового масла – я помогу им в этом. Кто-то хочет выпить вина, поиграть в рулетку или посетить бордель – что ж, я не судья и не священник, чтобы их осуждать, я помогу им и в этих невинных слабостях. Но Тонино торговал ядом. Ему было всё равно, что героин разрушает семьи, иссушает мозг и превращает человека в развалину; несколько долларов – и ему дела нет, что он разрушает семьи и отнимает будущее у молодёжи. Ты же знаешь, апісе, мы, итальянцы, ценим музыку, хорошую еду и семью. И я хочу, чтобы молодые люди росли со своими отцами, учась и набираясь опыта, а не слонялись по грязным притонам со всеми этими немывыми трубочками, которые играют боп, или, того хуже, с бездарями в чёрных беретах, что пытаются сочинять стихи без рифмы. И я хочу, чтобы эти молодые люди могли повзростать, жениться на порядочных девушках и чтобы их жёны со своими детишками могли ходить по улицам, не опасаясь всякого обезумевшего от героина сброда, который готов пустить в ход пистолет, купленный у какого-нибудь Бадольдини, чтобы раздобыть пару долларов, которые он отнесёт тому же Бадольдини обменять на очередную дозу!

– Это очень благородно и убедительно, – мягко улыбнулся Луи, приняв чуть более расслабленную позу в своем вольтеровском кожаном кресле, – но ты не думаешь, что найдутся новые желающие заняться подобным бизнесом?

– Должны найтись, – ответил Фрэнки пирроновским по-

жатию плеч, – но едва ли кто-то намерен торговать наркотиками ради самого процесса, а тем, кто собирается делать это ради денег, можно предложить другой способ заработать, всем найдётся место и в более здоровом бизнесе, каждому можно найти дело по его способностям и наклонностям. А для тех, кто не умеет договариваться – у меня есть ты. Кстати, по твоим способностям, тебе бы тоже подобрать другое дело, amice, но теперь, видно, придётся подождать, раз всё прошло не очень чисто.

Холодные глаза его молодого собеседника несколько смягчились любопытством, он чуть подался вперёд:

– Судя по тому, сколько раз ты обращался к моим услугам, я и с текущим своим делом недурно справлялся. Что же, ты думаешь, мне бы больше подошло?

– Ты был бы отличным сенатором, не хуже того улыбочивого ирландца из Массачусетса. Тебе бы быть поразговорчивее, и с твоей харизмой ты готовый политик! Только в отличие от всех этих детей дипломатов и бутлегеров, которые росли в окружении ливрейных лакеев, ты знаешь реальную жизнь, знаешь её хорошо и во всех проявлениях, и ты воистину человек, который всего добился сам. Какая-нибудь высокая выборная должность сделает тебя настоящим воплощением американской мечты.

– Полагаю, мои избиратели будут не в восторге, узнав, в какой именно карьере я всего добился, – скептически хмыкнул Луи.

– Ерунда! – нетерпеливо взмахнула ухоженная рука хозяина. – Ты делаешь мир чище, ты выполняешь работу полиции и федералов, причём рискуя собой, а они выпускают всяких подонков по каким-то формальным поводам, кто за взятку, а кто и просто из каких-то идиотских принципов буквы закона, а потом ещё они и адвокаты тех подонков с почётом выходят на пенсию, разве это справедливо?

– Боюсь, не все посмотрят на это так же, но спасибо, что ценишь мою работу.

– Чьи-то взгляды не меняют сути вещей, – плечи дорогого пиджака вновь поползли вверх.

– Не меняют, – согласился Луи кивком головы, но мы от этих взглядов зависим. И я подумаю над твоим предложением насчёт политической карьеры, однако сейчас нам надо рассчитаться за услуги, и решить, что мы будем делать с мистером Сайфером.

– Верно, времени у нас немного. Я думаю, мистеру Сайферу всего лучше сейчас отправиться в какую-нибудь тёплую карибскую страну и, пожалуй, сменить документы, а вот наши расчёты немного изменятся в связи с твоей неожиданной утратой клубной карты.

Глаза молодого мужчины в вольтеровском кресле слегка потемнели, и в них мелькнула едва заметная угроза. Импортантный мужчина с другой стороны стола оказался тонким наблюдателем, и его руки взметнулись в примирительном жесте:

– Не беспокойся, ты всё получишь сполна! Никто не может сказать, что Франческо Гвиччарди не платит по счетам, и не быть наказанным за ложь. Но некоторые изменения всё же внести придётся. Поскольку ты оставил улику, есть вероятность твоего ареста. При всей твоей кошачьей ловкости, ты рискуешь попасть за решётку, а я в этом случае – большими деньгами, которые тебе за этой решёткой не понадобятся. Тебе надо скрыться и сменить личность, но, когда тело Бадольдини обнаружат, поднимется большой шум, и я не смогу в скором времени сделать тебе новые документы. Поэтому я предлагаю следующее: ты немедленно направляешься в спокойную страну по твоему выбору, и лучше всего – как можно быстрее, и как можно дальше от Нью-Йорка. Там или сделаешь документы сам, или же их сделаю я, если у меня обнаружится достаточно связей и влияния в этой стране. Что же до твоего гонорара – отправь мне телеграмму, когда прибудешь на место и выберешь себе банк и новое имя, и в течение суток ты станешь богатым человеком. Если же, вопреки ожиданиям, ты попадёшься, разумеется, я приложу все силы, чтобы тебя вытащить, и обеспечу тебе такую тюрьму, что отсидка Капоне в сравнении с ней покажется натуральной каторгой. Если же ты погибнешь... Наследника у тебя, насколько мне известно, нет, но, если ты укажешь кого-то в таком качестве, клянусь честью, этот человек будет приближен к моей семье, и ему до конца жизни не придётся испытывать материальных забот.

Луи откинулся на спинку кресла и слегка прикрыл глаза в задумчивости. Несколько мгновений спокойствие в комнате нарушалось только дыхание двух мужчин да движением причудливых теней, отбрасываемых жёлтым светом качающегося уличного фонаря за окном.

– Что ж, – наконец вздохом прервалась задумчивость, – это справедливо. Пожалуй, это и к лучшему, пора и мне, наверное, отдохнуть. Только вот не думал, что, когда мне придётся что-то менять в жизни, этим чем-то окажется имя. Странно будет перестать быть Сайфером.

– Имя – такой же ярлык, как и отношение к твоему ремеслу. Главное, человеком ты останешься тем же. Зато новый ярлык сможешь выбрать себе сам, а не получить по милости случая. Да и для политической карьеры твое нынешнее имя чересчур демоническое, – строгое лицо Гвиччарди смягчилось улыбкой.

Он потянулся к стоящей на столе бутылке, пробка покинула горлышко с лёгким хлопком, и терпкая краснота разлилась по бокалам, кроваво преломляя неверный свет фонаря и наполняя комнату карамельно-тёплым ароматом смолы, орехов и винограда. Лёгким движением бокал двинулся через широкий стол, сопровождаемый дрожащими рубиновыми тенями, дразня обоняние усилившимся ароматом и воображение образами тех далёких мест, которые породили этот напиток.

– Попробуй, Луи, у этой марсалы вкус моей далёкой ро-

дины.

– Ты родился в Нью-Арке, – не глядя на собеседника, ответил зачарованно любующийся причудливой игрой света на гранях бокала Сайфер.

– Родина там, где ты вырос и стал человеком, то место, что тебя воспитало, которое сделало тебя таким, какой ты есть, а меня больше всего сформировала учёба в университете Палермо.

– Правда? Я не знал.

Луи резко поднял голову и взглянул на Гвиччарди с искренним любопытством, мгновенно разбившим броню его невозмутимости: его глаза оживились и смотрели на собеседника с неподдельным интересом, будто человек за столом вдруг до неузнаваемости изменился.

– Не знал, что такое родина или про мою учёбу? – мягко улыбнулся выпускник палермского университета.

– Про то, что итало-американские импортёры оливкового масла столь хорошо образованы, – ядовито ответил Сайфер.

– Здесь я исключение, – лёгкая улыбка неожиданно смягчила суровое лицо Гвиччарди, сменив его образ с хваткого по-акулы дельца на добропорядочного отца семейства, забавляющегося игрой отпрысков на ковре. – В добрых традициях Европы семейное дело должен был наследовать старший сын, а я, имевший счастье иметь старшего брата, предназначался для деятельности духовной или же университетской. Решив, что для карьеры ангелического доктора я слиш-

ком люблю жить на земле, да и двадцатый век располагает скорее к занятиям научным, последние я и предпочёл, выбрав, однако, такую непреходящую дисциплину, как история.

– Так у тебя есть брат? Был брат? – добавил Сайфер извиняющимся тоном.

– Конечно, amice, ты же не думал, что я происхожу из итальянской семьи с одним ребёнком – нас бы всей этой семьёй в цирке показывали, – ширилась улыбка Гвиччарди, как у человека, впервые за долгое время позволившего себе отрешиться от текущих дел и предаться приятным воспоминаниям. – У меня был старший брат, Джанлука, младший, Джулио, – он представляет семейный бизнес в Европе: в Италии, Греции и на юге Франции; ещё у меня есть две сестры, которых ты не знаешь потому, что исправно сочиняешь изящные извинения в ответ на каждое моё приглашение на Рождество.

– Ты же знаешь, я не умею веселиться.

– Рождество не для веселья, а для того, чтобы собирались семьи, чтобы их отцы отрывались от своих жалких дел в брокерской конторе или магазине подержанных автомобилей, избавлялись от напыщенности и галстуков и вспоминали о действительно важных вещах.

– Хорошая проповедь семейных ценностей, – ухмыльнулся Сайфер, – а твоё дело, конечно, важное?

– Нет, Луи, оно примерно такое же, да только говорю же, – я никогда и не намеревался заниматься ни этим бизнесом,

ни каким-либо ещё; я хотел изучать и преподавать историю, может быть, писать книги. Жить в Палермо, воспитывать детей и внуков, выращивать апельсины, – мечтательно закончил седеющий мужчина в дорогом костюме.

– Какая пастораль! – лицо Сайфера светилось доброжелательной улыбкой, которая светотенью подчёркивала жёсткий взгляд его застывших глаз. – И что же заставило тебя зарабатывать все эти не важные миллионы и играть конгрессменами, как пешками, а сенаторами, как слонами, вместо возни в апельсиновом садике?

– Та самая пастораль и заставила, amice; после гибели Джанлуки мне пришлось наследовать дело, заботиться о семье, ставить на ноги детей и племянников. И я, хвала Господу, смог всем обеспечить достойную жизнь, хорошее образование, дал каждому возможность быть порядочным и достойным человеком, жаль только, что не много времени мне удаётся провести с семьёй и насладиться плодами своих трудов.

– А что случилось с твоим братом? – глаза Сайфера за сверкали любопытством поверх бокала марсалы. – Трагичная развязка очередной столь любимой итальянцами шекспировской страсти между Яго, Монтеки и Вендетти?

– Разумное предположение, но нет, – ирония молодого человека была оценена мягкой улыбкой. – Это случилось весной за год до начала мировой войны на одном из греческих островов, орудием судьбы стал шип ската-хвостокола; так

что обошлось без Шекспира, но Джанлука принял смерть, как эпический герой, а не посредством выстрела из лупары, что куда более обычно в наших краях и нашей среде. Итак, мой брат получил самые пышные похороны на Сицилии чуть ли не со времён Гарибальди, а я был вынужден оставить свою только начатую преподавательскую карьеру и отбыть в Америку, помогать отцу и семье. Но дети и племянники уже взрослые, так что, когда уляжется шум из-за твоего пристрастия к атлетическим занятиям, я начну потихоньку отходить от дел и вернусь к своей диссертации о Василии Болгаробойце.

– Черт возьми, так вот откуда у тебя эта хитрость Патлена и елейная дипломатия проповедника! – Сайфер выглядел как человек, старые сомнения которого неожиданно вдруг разрешились. – Что ж, определённо, твоя учёба не прошла даром.

Гвиччарди откинулся на спинку кресла и пригубил марсалы, поглядывая насмешливо на своего собеседника. Затем медленно опустил бокал, покрыв стол причудливыми тенями смешанного происхождения от трёх родителей: качающегося за окном фонаря, венецианского гранёного стекла и кровавой тягучести вина, приподнял рукав пиджака и замер мимолётно, глядя на сверкающий серебром циферблат на широком запястье. Рукав опустился, и маслоторговец-византист вновь обрёл вид хваткого дельца:

– Наши хитрости отлично сработались, однако теперь са-

мое время решать, как мы завершим наше последнее дело. Как ты намерен уехать?

– Сперва машиной на запад, по безлюдным местам, – отвечал Луи с видом фланёра, выбирающего, по какому бульвару пройти, – затем на юго-запад и в Мексику по суше или из Калифорнии морем в ту же Мексику, а может, Коста-Рику. А то и в Эквадор, куда поехать в отпуск, я решаю импульсивно.

– Это не отпуск, будь серьёзнее, – ответил Гвиччарди с едва уловимым раздражением. – Тебе нужно скрыться как можно быстрее, а не раскатывать в Калифорнию к этим нечесаным сёрферам.

– Конечно, Фрэнки, – примирительно улыбнулся Сайфер, – не беспокойся: моя шкура мне так дорога, что я обещаю тебе приложить всё усилия к её сохранению и не лишит тебя радости сделать мистера Сайфера богатым человеком, каким бы ни было его новое имя.

– Такой настрой мне больше по душе, amice. Дать тебе машину?

– Нет, спасибо, поеду на своей, потом сменю на что-то менее приметное.

– Хорошо.

Фрэнки открыл ящик стола, и вытащил на него изрядную кучу банкнот:

– Вот, возьми наличности, здесь чуть больше тысячи мелкими купюрами, должно хватить на дорогу, если не станешь

подкупать федеральных агентов.

– Всячески постараюсь избегать этих достойных джентльменов, – вместо благодарности ответил Луи, рассовывая деньги по карманам.

Затем одним глотком допил марсалу, со стуком вернул бокал на стол и, резко встав, произнёс погрузневшим голосом:

– Что ж, Фрэнки, спасибо за всё, надеюсь, ещё увидимся, и ты считаешь мне свою диссертацию.

Мужчина в костюме встал медленно, подобающе своей солидной фигуре, и, совершив маленькое путешествие вокруг огромного стола, по-отечески обнял молодого мужчину.

– Счастливого пути, Луи, береги себя. И остерегайся людей Тонино, они могут выйти на тебя раньше федералов. И могут оказаться с тобой в одном мотеле или автобусе.

– Твоя проповедь семейных ценностей вдохновила меня дожить до старости и помянчить внуков, – Сайфер вновь обрёл прежнее веселье, – так что обещаю быть осторожным. И прийти к тебе на следующее Рождество.

Мужчины молча пожали руки, тепло глядя друг другу в глаза, и тот, что был в куртке, не оборачиваясь, вышел, тот же, что был в костюме, сел за стол и задумчиво вертел в руках бокал марсалы.

Во дворе под качающимся фонарём стоял двухдверный хардтоп Packard, голубой, цвета воды во фьорде на рассвете, снизу, с полосой цвета слоновой кости посередине и цвета вечернего неба по верху. Сайфер заботливо стряхнул с кры-

ши машины снежную шапку, открыл дверь, и с поворотом ключа двор озарился мягким жёлтым светом, и снежная ночь наполнилась уютным рокотом могучего двигателя, оживляя декабрьскую ночь; и тяжёлые хлопья снега, медленно опускающиеся в тёплых лучах фар, воскрешали в памяти вкус рождественского печенья, и восторженное детское ожидание подарков, и робкую надежду застать всё же бородатого гостя из каминной трубы. Не выказывая признаков ностальгии, мужчина достал из бардачка большую карту автодорог страны, разложил её на крыше автомобиля и внимательно рассматривал её, блуждая глазами по Скалистым горам; затем он вынул из кармана аптечный пузырёк, и на широкую ладонь легла маленькая белая таблетка, чья внушительная мощь скрывалась за скромным названием «бензедрин». Несколько секунд мужчина задумчиво смотрел, словно в нерешительности, на белый кругляшок в своей руке, стыдливо прикрытый крупной снежинкой, затем со вздохом фаталиста пожал плечами, одним движением добавил ещё одну таблетку и проглотил обе; а снег на капоте невидимой силой тепла претворялся в воду, тонкими ручейками сбегавшую сквозь жёлтый свет фар.

По обочине пыльной дороги на просторах Южной Каролины неспешно шёл молодой человек в невзрачном пальто поверх немало повидавшего костюма, облик его венчался неподходяще новой к одежде федорой. Тусклое зимнее солнце по его левую руку ещё более неспешно приближа-

лось к зениту. Параллельно с путешественником, словно бы издеваясь, ехал потрёпанный Dodge Coronet, водитель которого с нескрываемым любопытством рассматривал путника, тот же изредка бросал в ответ косые взгляды. К исходу четвёртой сотни метров такого совместного движения человек на обочине резко встал, остановив таким образом этот странный тандем. Несколько секунд мужчины смотрел друг другу в глаза, наконец человек в потёртом пальто обратился к водителю в клетчатой байковой рубашке:

– Я вижу, ты никуда не торопишься, может, подвезёшь меня?

– Может, и подвезу, – лицо обладателя рубашки расплылось улыбкой британского бесплотного кота, – если ты попросишь.

Путник слегка оторопел от такого ответа, но быстро собрался:

– Подвезёшь меня?

Водитель, лучась улыбкой, распахнул дверцу:

– Конечно, приятель, садись, не стесняйся.

Пешеход снял пальто, до презрения небрежно бросил его на заднее сиденье, аккуратно положив сверху шляпу, и с видимым облегчением развалился в кресле. Двигатель заполнил окружающую унылую пустошь тёплым уютным роко-том, и, поднимая клубы пыли, тёмно-синий автомобиль двинулся по пустому шоссе. Некоторое время в машине хранилось молчание, водитель, казалось, утратил к своей находке

всякий интерес и сосредоточенно смотрел на дорогу, пассажир же, откинувшись на спинку и полуприкрыв глаза, казалось, отдыхал после долго пути. Они были друг на друга похожи – примерно одного возраста, шатены со среднезападными чертами лица, один олицетворял спокойную уверенность в созерцании мира, другой же был нервозен, подвижен и беспокоен. Они могли бы быть братьями или даже воплощением двух вариантов судьбы одного человека. Через несколько минут человек за рулём, резко протянул пассажиру руку и представился:

– Кен Адамс!

– Фрэнк Сиззи, – тонкие пальцы крепко обхватили широкую ладонь водителя.

– Ты слишком не похож на итальянца для такого католического имени, – слегка повернул направо голову Адамс.

– А ты слишком не рыжий для такого ирландского имени, – парирование было мгновенным.

– Да уж, с таким содержанием виски в крови, как у меня, – улыбнулся водитель, – из Ирландии меня бы выгнали с позором. Моя мать была ирландкой наполовину, но мой отец, на четверть норвежец, решил, что Кеннет будет подходящим именем для нового жителя этой космополитичной страны.

– А во мне итальянского только кьянти да лазанья за обедом, отец говорил, что Сиззи – искажённый вариант его польской фамилии, которую американцы не могли выговорить, впрочем, сам он этой фамилии вовсе не знал, потому

что вырос сиротой.

– Сколь печально, столь же и типично для этой страны, – пожал Адамс плечами с безразличием, которому сам Пиррон бы позавидовал. – Как сама она состоит из пасты, пива, пудинга, бейгла, квашеной капусты, гуляша, и что там едят украинцы, так же и её население. Словно мелочная лавка, торгующая вперемешку разными кухнями, языками, традициями, культурами и бескультурьем.

– В мелочной лавке можно найти подлинные шедевры.

– А можно оказаться погребённым под горой бездарного мусора.

– Не станем отрицать подобной возможности. Однако не забудем и того, что оценка шедевральности и бездарности переменчива, словно погода в Англии, и бесспорный плюс лавки старьёвщика в том, что казавшееся прежде никчёмным вскоре может оказаться *opus magnum* всей эпохи.

Адамс бросил на своего нежданного попутчика взгляд одновременно одобрительный и заинтересованный:

– Что ж, сойдёмся на том, что лавка старьёвщика является местом, полным надежд и потенциальных шедевров, и Америка – безусловный шедевр в мире подобных лавок; и понадеемся избежать печальной участи оказаться погребёнными в бездарности, которой в выдающейся лавке должно быть столь же выдающееся количество.

– Отличное предложение, которое я полностью принимаю, – мягко улыбнулся Сиззи, – особенно касаясь надежд.

На смену этой беседе пришли несколько минут тишины, которые пассажир провёл, беззаботно нежась в кресле, покрываемый отрывистыми и пристальными взглядами водителя. Длинные нервные пальцы Сиззи постоянно двигались, словно крутили что-то невидимое, как пальцы шулера или карманника. На это беспокойное движение Адамс посмотрел наблюдательными глазами натуралиста, у которого намерения играть в карты столь же мало, как и ценностей в карманах. Всё остальное в облике человека на пассажирском сиденье едва ли могло что-то сказать о его занятиях или жизненном опыте – с одинаковым успехом он быть и деревенским бутлегером, и наркоторговцем, и джазовым музыкантом. Внешность человека в соседнем кресле была не более информативна, в противоположность своему спутнику, черты его лица лучились твёрдостью, говорившей об уверенности их носителя в себе самом и окружающем мире, и, если роль музыканта или наркоторговца была ему не к лицу, оно всё равно подходило к самому широкому спектру личностей и профессий: от военного или шерифа до сельского учителя или ремесленника. Обоих мужчин сложно было назвать красивыми, однако каждый из них имел некую привлекательность: Сиззи – живой и несколько беспокойной подвижностью тонких черт слегка бледного лица, Адамс же – спокойной и немного простоватой мужественностью человека, на которого можно положиться.

Недавно появившееся молчание, медленно перемещаю-

щеся в Dodge среди клубов каролинской пыли, погибло, не достигнув зрелости, прерванное голосом человека, ведшего эту тишину в потрёпанной машине:

– Кажется, здешние пустоши в это время года не самое очевидное место для пеших путешествий.

– Уверяю тебя, они и летом вовсе не хороши, – устало улыбнулся Сиззи. – Но путешествие моё деловое, и, хотя его не возбраняется совместить с приятным времяпрепровождением, здесь это действительно вряд ли удастся.

– И куда же ты направляешься? – спросил Адамс, не отрывая глаз от дороги.

– В общем и целом на юг, попытаюсь встретиться с одним человеком, это встреча может очень помочь в моём деле.

– Так нам по дороге – хотя я еду не куда-то, а скорее откуда-то уезжаю, и скорее намерен никого не встретить, но в общем путь мой тоже лежит на юг.

– Замёрз на севере? – с насмешливым участием спросил Сиззи.

– Отчасти, – не менее саркастически отвечал человек в байковой рубашке, – а отчасти просто решил сменить обстановку и попутешествовать, а ещё отчасти потому, что я не был на южном море со времён моей поездки в Корею, и мне интересно, будет ли отдых на море отличаться в мирное время.

– Так ты воевал? – с внезапным любопытством Сиззи повернул налево голову, и глаза его заблестели, словно у кош-

ки, завидевшей добычу. – И убивать приходилось?

– Воевал я тоже скорее отчасти, – немного грустно ответил Адамс, – служил связистом, всю службу провёл на кораблях или в порту. Я и корейцев-то вблизи видел только тех, что были нашими союзниками. Хотя не думаю, что корейцы-коммунисты на вид чем-то отличаются от корейцев-республиканцев или корейцев-сторонников охлократии, если такие бывают.

– Ты хочешь сказать, что все остаются людьми независимо от взглядов, – подвижное лицо в пассажирском кресле вмиг стало непроницаемо-серьёзным, – или намекаешь, что все азиаты на одно лицо?

Адамс слегка оторопел от вопроса, и, повернув голову, глядел на своего спутника из-под полуприкрытых век:

– Ни то, ни другое. Или что-то среднее. Я думаю, что вера в коммунизм не вырастит у человека клыков и хвоста, так же, как и вера в демократические ценности не сделает его умнее или симпатичнее. Вообще же, демократия, коммунизм или религия всего чаще распространяются через общество и пропаганду, а не принимаются осознанным выбором. И мы бы скорее всего были бы коммунистами, живи мы в Китае или России, или мусульманами, приведишь нам родиться в каком-нибудь Ираке или Судане. А какой-нибудь Пётр Гоголь из Москвы, родись он в Висконсине, выбирал бы между Айком и Эдлаем и боялся ракет Хрущёва. А азиаты не все одинаковые, хотя я так толком и не научился их раз-

личать. Но может, это дело практики.

– Может, практика тогда поможет отличать и комми от суннитского фундаменталиста.

– Вероятно, но едва ли мне предстоит значительный опыт в лицезнении тех и других, если только правительство не начнёт очередную войну, чтобы взять на свой счёт мою поездку в какие-нибудь экзотические страны.

– Полагаешь, страна и правительство ещё не устали от войн?

– Полагаю, – пожал плечами Адамс, – что страна и правительство вовсе не тождественны. Мой дед воевал в Первую мировую, мой отец – во Вторую, у меня была Корея, полагаю, что и на моих детей найдётся война с суннитами-коммунистами где-то в Месопотамии.

– Может, для каждого поколения американцев припасена своя война, – Сиззи явно получал удовольствие от этой беседы, нервное его лицо замерло в тёплой улыбке, сделавшись неожиданно мягким и привлекательным.

– Главное, чтобы для каждого поколения американцев был припасён и свой мир, – Адамс смотрел на дорогу немного погрузневшими глазами.

– А что же твоя война? Стрелять ведь тебе доводилось? – пытливые глаза впились в лицо водителя.

– Было дело, чтоб Garand не заскучал. Однажды в Пусане мы с моим приятелем Энди, Энди Уайтом, были в увольнительной, по форме и при оружии, сидели в маленьком ба-

ре в стороне от центра города. Мне нравится острота корейских блюд, но пиво у них дрянное. Там были и наши GI, и союзные корейцы, едва говорящие по-английски, из нас никто не знал корейский более, чем нужно, чтобы заказать еды и пива, но мы старались как-то изъясняться – жестами, рисунками, чуть не песнями; и всё это сопровождалось таким редким и ценным на войне чувством дома и безопасности, что в такие минуты мы были подлинно счастливы, забывая о войне, крови, о тысячетонных несущих смерть горах металла в порту, о том, что твой Garand не даёт тебе никакой защиты от корейской Arisaka, это было что-то вроде семейного торжества, с узкоглазыми парнями вместо родни и друзей, с лапшой вместо индейки и с соджу вместо клюквенного соуса. Конечно, моя служба в радиорубке не шла ни в какое сравнение с тем, что переживали ребята, уходившие в джунгли, полные змей и коммунистов, но для меня такие посиделки тоже были днями благодарения пузатым богам Азии за часы умиротворения и покоя. В один из таких вечеров наши с Энди чашечки соджу были прерваны на середине криками и стрельбой, доносившимися с улицы. Все повыскакивали наружу, передёргивая затворы – и GI, и корейцы; в зарослях, что были метрах в ста от нашего бара вниз по улице, было какое-то движение и шум, все мы побежали в ту сторону, стреляя в кусты наудачу. Обстрел продолжался, наверное, несколько минут, а может, и полминуты – время течёт совсем иначе под нестройный аккомпанемент вин-

ТОВОК.

Адамс умолк с таким видом, будто это было органичное завершение истории, и уставился на дорогу. Сиззи сверлил безмолвного водителя глазами одновременно хищника, почуявшего кровь, и любопытного ребёнка. Лицо его было маской алчности, интереса и нетерпения сразу. Нетерпение, впрочем, скоро возгласило свою победу над прочими чувствами вопросом:

– К чёрту твои клиффхэнгеры, чем кончилось это героическое происшествие с опасными коммунистическими кустами?

– Всё пришло к логичному финалу, приятель, – улыбнулся мягко Адамс. – Среди зарослей лежало три тела, крови было много, а вот оружия – не было вовсе. Может, с ними был ещё кто-то, кто скрылся с оружием, может, это были мирные крестьяне, у правосудия нынешней винтовки зрение не лучше, чем во времена древних греков. Документов при них не было, каких-то примет для причисления к одной из воюющих сторон – тоже; наши корейцы их не опознали. Или нам не сказали. В общем, мы немного увеличили число жертв чужой для нас войны. А я, возможно, стал даже невольным убийцей. Всё же не всякому связисту такое удаётся, а? – добавил он с усмешкой.

– Как на войне случаются более удивительные вещи, так бывают и куда более неожиданные пути стать убийцей, – негромко ответил Сиззи. И добавил, едва заметно повысив

голос, – я так думаю.

– Не сомневаюсь, но печально, когда попусту погибают люди в результате событий, к которым они никаким образом не причастны; ещё печальнее, если сами эти события бессмысленны. А самое печальное, что всё это меня совсем не трогает.

– Я смотрю, не весело тебе служилось.

– Трумэн с Риджуэем меня не веселиться туда отправляли, – с неожиданной жизнерадостностью откликнулся водитель. – Зато я побывал на другом краю планеты, избородил океан, полюбовался тамошней природой, попробовал экзотичной кухни. Завёл много знакомств. Даже немного научился воевать – кто знает, какие навыки в жизни могут пригодиться. В целом, не так уж плохо для простого парня из Вайоминга, я полагаю.

– Уж конечно, для изнеженного отпрыска почтенных демократов из Массачусетса это было бы куда менее неплохо, – едко ответил Сиззи. – Боже, благослови Америку и её апостолов Трумэна, Риджуэя и Макартура за то, что они в мудрости своей вполне неплохо устраивают жизнь бедных парней северо-запада, одновременно избавляя новоанглийских юных аболиционистов от прозябания в окопах, которое оторвало бы их от постижения юриспруденции – американской схоластики двадцатого века!

– Аминь, приятель, – Адамс рассмеялся ребячьи звонко. – Но в твоём тоне больше раздражения, чем телевангелисти-

ческого умиления. Может, твоё бытие эти апостолы устроили не так здорово?

– По мне, что эти, что другие, все бездари, и не в моей устроенности здесь дело, – нервные пальцы задвигались быстрее. – Конечно, разные есть градации зла, некомпетентности и вреда, скажем, Сталин или Мао, уж конечно, хуже, чем какой-нибудь Салазар или Батиста; наверное, бывают даже и достойные представители вида, но в целом политики всё равно занимаются примерно тем же, чем и телепроповедники, хотя их цель – повышать благосостояние, безопасность, уверенность в завтрашнем дне и укреплять прочие буржуазные ценности. А они совершенно не знают – или не хотят знать – как это сделать. Казалось бы, ничего нет очевиднее того, что сельским хозяйством должен руководить самый выдающийся агроном, а промышленностью – какой-нибудь нелюдимый бородатый инженер в толстенных очках. Почему же всем руководят те, кто ничего в этом не понимает, только громче всех кричит или ловчее всех обещает, хотя и обещают все одно и то же? В самом деле, никто же не скажет в предвыборной речи: «Выбери меня, дорогой избиратель, я устроюсь на хлебное место, стану ездить в шикарном автомобиле, носить роскошные костюмы и обедать в недоступных тебе ресторанах. Но я поступлю человеколюбиво, и буду тратить на всё это только деньги лоббистов, и совсем не буду расхищать средства, предназначенные на строительство дорог и больниц, и собранные из твоих, избира-

тель, налогов. Я поступлю даже более гуманно, и не стану принимать законов, которые бы ограничили твою свободу, может быть, приму только пару таких, что позволят мне занимать это славное место бессменно, а потом пристроить подобным же образом своих детей, чтоб подобный гуманизм, дорогой избиратель, сохранялся из поколения в поколение».

– Да уж, такая предвыборная стратегия могла бы работать только за счёт своей неожиданности, – улыбнулся Адамс, искоса поглядывая на беспокоящие руки спутника. – Примерно как если бы в президенты баллотировался клоун, не снимая сценического костюма.

– Да, пока они костюм предсказуемо снимают. Но вот чего ради нам нужна такая прорва разных законодателей, беспрестанно заседающих? Не каждый день ведь законы принимаются, в основном всё идёт установленным манером, и лишь изредка нужно вносить значительные изменения: скажем, изобрели самобеглый экипаж – надо составить для таких экипажей правила вождения. Но разве для этого не лучше использовать профессиональных пилотов подобного экипажа, чем тысячу адвокатов, которые, может, никогда таким не управляли? А для изменения каких-нибудь учётных ставок на крохотные доли процента – не разумнее ли использовать пяток экономистов, сильных в математике и статистике, чем сотню вашингтонских юристов, едва владеющих устным счётом? И почему какой-нибудь судья из мест, где я никогда не бывал, должен решать, можно ли мне читать сложносочи-

нённую ирландскую книгу? Если книга эта плоха или чем-то опасна, так пусть это решают лингвист и психолог, а не человек, двадцать лет разбирающий семейные дразги и кражу монеток из музыкального автомата.

– Я всегда полагал... Хотя нет, прежде я об этом не задумывался, но теперь думаю, что это и есть демократия, что эти бессчетные законодатели необходимы в таком множестве для обеспечения широкого представительства народных масс, или как там называются приверженцы упомянутых тобой буржуазных ценностей. Вероятно, считается, что один нелюдимый инженер или сумасшедший учёный не может воплотить чаяния миллионов полуграмотных оки.

Сиззи развалился полубоком, опираясь на ручку двери, и рассматривал собеседника с таким видом, будто только что впервые осознал, что с ним рядом сидит живой человек, а не говорящий автомат. Затем также внимательно стал осматривать проплывающий безвозвратно мимо безрадостный пейзаж, отправив длиннопалую свою руку в карман запылённых брюк, откуда она вернулась с маленьким фармакопейного вида пузырьком на широкой ладони.

– К тому же, наверное, – продолжал Адамс, – вся это законодательная массовка нужна, с одной стороны, как зримый символ наличия власти, уберегающий общество от хаоса мелких правонарушений, перерастающих в неуправляемый кризис, его парализующий; с другой же стороны, порождаемая такой массовостью средняя некомпетентность пред-

ставителя власти может быть необходимой и вполне терпимой платой за страховку от опасности единовластия и тоталитаризма, – кажется, так нам в школе рассказывали про блистательные качества великой американской демократии.

– Дааа, – протянулось неспешно в ответ, – чертовски хорошая задумка, только что в ней толку, когда результат такой никудышный. Ведь так власть сосредотачивается не в руках конкретного человека, а в руках некоего класса, внутри которого все единообразны до одинаковости и который сам себя воспроизводит и в себе замыкается, – пузырьрёк начал с цирковой ловкостью перекатываться по пальцам. – И если можно убить или сместить тирана – то что делать с классом? Тем более, если он и с задачами своими не справляется, и изменить ничего не даёт.

– Это смотря какие у него задачи, – пожал плечами ирландско-норвежский полукровка, – если развитие и улучшение мифических буржуазных ценностей – тут результат слабый, не поспоришь, а вот если задача состоит в кастовой закрытости и обеспечении преемственности, то здесь всё куда благополучнее. С другой стороны, может, это и не самая эффективная схема, но ведь живём же, слава богу, и не коммунизм у нас, и революций нет, и английская корона на нас больше не претендует, и преступность уже не та, что в нашем детстве, – кажется, не так всё и плохо.

– Всё-то у тебя «неплохо», счастливый ты тёзка Макальпина, а не плохо ли, когда к бедному еврейскому бакалей-

щику обращаются некий молодой человек с предложением неких специфических услуг, которые государство ему предоставить не берётся, и бакалейщик соглашается, потому что услуги эти ему всё же нужны, даже если молодой человек ему и не по нраву, и действия его противозаконны. Соглашается, потому что знает, что полиция ему не поможет, даже если захочет, потому что новая наша схоластика идёт на любую умственную акробатику, лишь бы переиграть здравый смысл. Соответственно, не лучше ли на нашего гипотетического услужливого молодого человека надеть ливрею государственного служащего, а лишившегося её копа отправить бакалейщику в приказчики?

– Тебя послушать, так выходит, что стоит выбрать президентом или мэром Нью-Йорка человека с прозвищем вроде Фрэнки-Пулемёт или Чарли-Пуля-В-Голову, – отозвался заинтересованным тоном Адамс.

– Не знаю, может, они и без того в одной упряжке, и у них своего рода разделение обязанностей для создания дефицита и повышения ценностей на ряд услуг и товаров.

– Как это? – голова водителя опасным образом отвернулась от дороги.

– Скажем, государство объявляет незаконным какую-нибудь невинную и естественную человеческую потребность, вроде выпивки и игры в кости, и удовлетворение этой потребности предлагается из-под полы, автоматически становясь дороже в силу явной противозаконности и ограничен-

ности предложения.

– Хороший бизнес-план, – слегка прищурился Адамс, – только потребности тоже надо ограничивать, а то так можно дойти до борделя с малолетними или работоторговли.

– Я говорю про потребности естественные, – несколько резко отозвался Сиззи. – Конечно, всякие бывают извращения, но большинство людей нормальные, как среди полицейских, так и среди мафиози.

– А ещё они любят детей, придерживаются патриархальных ценностей, слушают по воскресеньям мессу, и готовят лазанью для своей большой итальянской семьи, – лицо Адамса растянулось довольной улыбкой.

– Твои стереотипы близки к расизму, приятель, – засмеялся Сиззи.

Смех его прервался вопросительным кивком головы и взглядом, который словно сейчас только заметил затейливый танец фармакопейного пузырька меж длинных пальцев:

– Бензедрин?

– Бензедрин, – почти ласково протянул Сиззи, посмотрев на замерший на ладони пузырёк, словно сам впервые его увидел. Затем одним плавным движением раскрыл его, высыпал пару таблеток в руку, подбросил по очереди и поймал ртом в воздухе с заправской ловкостью циркового тюленя. Следующее движение предлагающе направило пузырёк влево, сопроводившись ещё более ласковым:

– Угощайся, приятель.

Адамс взял аптечную тару, покрутил в пальцах перед глазами и усмехнулся:

– Вот так встреча, я его со времён службы не пробовал.

– Значит, тебе полагается бонусный эффект ностальгии, лови момент бензедриновых воспоминаний ушедшей юности, как говорили древние римляне.

– Они, значит, знали толк в кручении бензойных колец. Даже странно, что я после армии и в руках его не держал.

– Значит, жизнь твоя после службы стала проще, в армии ведь его используют для поддержания сил в моменты сомнений и тягостных раздумий? – лицо Сиззи расплывалось улыбкой, пальцы выплясывали демоническую кадрили.

– Да, хотя некоторые его использовали и в другие моменты, и не для всех это хорошо закончилось. Например, Энди так любил кружение этих колец, что повредился рассудком. Хотя, – пожал плечами Адамс, – может, это всё было от пристрастия к лунному свету и сочинению слишком вычурных стихов. Во всяком случае, как писала его матушка, теперь он обитает в большом доме в окружении товарищей по умственному несчастью. – Адамс аккуратно вытряхнул из пузырька одну таблетку, и взял её губами с ладони, не отрывая от дороги глаз. – Или счастьем, в конце концов, сами-то они вряд ли ощущают себя больными или ущербными, скорее, таковыми для них являются окружающие. Да и кто может сказать, как лучше или проще жить в нашем мире. К тому же, бензедрин убедил меня, что лучшее состояние из воз-

МОЖНЫХ ЭТО...

– Прошу тебя, не впадай в банальность, и не говори что-то вроде «резвость» или «нормальность».

– Не совсем. Возвращение к нормальности. После того, как вышел из неё, посмотрел на мир и себя с другой стороны, узнаёшь цену обычности, с которой тебе жить.

– Можно и не возвращаться, какие проблемы, – пожал плечами Сиззи.

– Можно. А если добавить к этому увлечение затейливой поэзией, можно и надолго обеспечить бесплатным жильём и доброй компанией.

– Отличная проповедь, викарий.

Сиззи повернул ручку приёмника, и унылая каролинская тишина разбавилась, в дополнение к шелесту шин и рокоту двигателя, охриплым лампами голосом Ричи Валенса. Вслед допевшему герою недавно умершей музыки через строй помех продрался бодрый голос рыцаря пропаганды и массовой информации:

– *Добрый день, дорогие радиослушатели! В эфире радио KBVL, передача «Полдневная беседа с...», с вами в студии Джерри Вулфстайн, и нашей темой будет громкое убийство в Нью-Йорке предполагаемого босса мафии Тонино Бадольдини, а собеседником нашим станет крупный знаток в этой области, профессор Мичиганского Университета и автор недавнего криминального бестселлера «Дети омерты» Уилбур Трипуд. Здравствуйте, профессор, рады ви-*

деть вас в нашей студии.

– Добрый день, Джерри, спасибо, что пригласили.

– Итак, сегодня утром в нью-йоркских доках было обнаружено тело известного бизнесмена Тонино Бадольини, который в прессе часто назывался одним из лидеров организованной преступности, хотя официально никаких обвинений ему никогда не предъявлялось. Однако редко добропорядочных джентльменов находят в костюме за две с половиной тысячи долларов убитыми в богом забытом складе в доках, не так ли, профессор?

– Совершенно верно, Джерри, хотя, к сожалению, никто не застрахован от того, чтобы стать жертвой банального грабежа, всё-таки люди влиятельные, состоятельные, а тем более имеющие основания опасаться за свою безопасность, меньше подвержены подобным происшествиям. Ещё менее того они подвержены ночным прогулкам по докам.

– Как вы полагаете, что могло послужить причиной убийства? Стало ли оно результатом передела сфер влияния, личной мести или просто чьей-то чрезмерно острой реакции?

– Знай я ответы на подобные вопросы, мною бы в одиночку можно было заменить ФБР, хотя я слишком человеколюбив, чтобы оставить без работы столько замечательных людей. Конечно, у такого человека, как мистер Бадольини, всегда найдётся много врагов, однако не меньше найдётся и людей, которым его смерть крайне невыгодна. Ведь сколь-

ко бы ваши коллеги не величали его мафиози, так или иначе он вёл большой и совершенно легальный бизнес, в котором непосредственно работало много людей, а ещё большее число было связано с ним опосредованно.

– И всё же, профессор, – qui bono? Из альтруистических соображений даже хорошие дела редко делаются, а уж тем более убийства.

– Хорошее, замечание, Джерри. Давайте...

– Вот уж верно говорили люди из расписного портика: носи хоть неокрашенный шерстяной плащ, хоть пурпурный за две тысячи талантов, а закончишь всё одно – бездыханным на пирейской пристани, – протянул Адамс.

– К одинаковому концу можно прийти разными путями, – пожал Сиззи плечами, – и я бы предпочёл идти к бездыханности подольше, дорогами живописнее, в шёлковых плащах и в повозках за многие тысячи сестерциев.

– Меркантильность?

– Любовь к живописности пейзажей. И отчасти к стильным аболлам и пурпурным тогам.

– ...может обернуться это убийство?

– Нюансы последствий будут зависеть от его целей, мотивов и организаторов, но в основном всё будет достаточно предсказуемо: полиция нескольких штатов получит себе интересную задачку, агентам ФБР придётся изрядно побегать, журналисты будут сбивать себе пальцы на своих машинках. К нюансам можно отнести мотивы убийства:

если выяснится, что за смертью мистера Бадольдини стоит крупный передел бизнеса, как легального, так и криминального, это весьма осложнит задачу господам полицейским и федеральным агентам, и сделает её много интереснее...

– Извините, что перебиваю, профессор, но если даже ФБР установит, что, скажем, это преступление своими мотивами имеет передел криминальных сфер влияния и стоят за ним другие лидеры этих сфер, повлечёт ли это за собой, если можно так выразиться, сокрушительный или хотя бы просто значительный удар по организованной преступности, или же самыми тяжёлыми последствиями для этих джентльменов станут суровые наказания за плевание жвачки в неподобающем месте с последующей санаторной отсидкой, как у старины Капоне?

– Понимаю вашу иронию, Джерри, и вполне разделяю ваше беспокойство, но *sed lex* – каждый должен быть осуждён за те преступления, которые будут доказаны. А как известно, доказать организацию и заказ убийства много сложнее, нежели доказать сам факт его совершения, особенно учитывая любимый в среде этого, если угодно, «бизнеса» принцип омерты. С другой стороны, если исполнителя убийства удастся уговорить нарушить этот принцип, это может дать полиции и бюро столько до бесценности ценной информации, что это одно уже послужит к поискам не худшей мотивацией, чем честь мундира или алкание зва-

ний и почестей.

– Ну, надеюсь, наши правоохранители не сильно нуждаются в дополнительной мотивации сверх выполнения долга. По вашему мнению, профессор, если мы примем за основной мотив убийства внутренние криминальные разборки – это всё-таки месть, личные счёты или вопросы бизнеса? Ведь едва ли кто-то может рассчитывать, что простым устранением одного из конкурентов он...

– Им ещё и мотивации не хватает, – несколько недобро проворчал Сиззи. – Да они должны найти этого парня, чтоб вручить ему грамоту и украсить медалью за то, что он сделал их работу, и сделал лучше, чем они могли бы рассчитывать.

– А если этот Банани не был никаким крёстным отцом мафии, а действительно был бизнесменом, пусть и не вполне чистым на руку? Не могут же все дельцы быть гангстерами.

– Не могут. Так всех и не убивают ночью в местах, весьма неподходящих для деловых встреч. Если он был «нечист на руку», так его должны были наказать полиция, ФБР, министерство финансов, какой-нибудь адвентистский епископат, если убиенный был нечист и на другие свои члены, кроме десницы. А то живёт себе мистер Бенини припеваючи, носит дорогую парчу, разъезжает на роскошных колесницах, содержит свиту, – и всё это, разумеется, беспримерно честно, человеколюбиво, законопослушно и всецело в рамках закона, с полным согласием и любовью с налоговой службой и профсоюзами. А заканчивается этот прекрасный жиз-

ненный путь не беатификацией, как можно предположить по славным делам усопшего, а печальной пристанью на берегу Стикса, то есть Гудзона.

– Хорошо, убедил, – задумчиво закивал Адамс, – вполне вероятно, что этот Бадольи не только не был самым большим любителем платить налоги в полной мере и в срок, пусть даже он был связан с мафией, но всё-таки не слишком ли сурово он наказан за это? Едва ли суд бы его отправил на электрический стул.

– Суд за такое мог бы отправить и в санаторий, как верно заметил Джерри-радио. Сначала они не могут найти, за что бы такое посадить какого-нибудь мафиози, а потом вынуждены сами нарушать свои же законы и расстреливать Диллинджера из-за угла. А тут какой-то славный парень делает за них всю работу, ещё и по возможности чисто, и такая ему благодарность.

– Не знаю, всё-таки он убийство совершил, а не догнал воришку.

– Это смотря кого убить – лет пятнадцать назад за убийство Гитлера дали бы медаль Конгресса и пост сенатора. Готов спорить, что Батиста сейчас пол-Кубы готов отдать за убийство Кастро, вместе с плантациями и крестьянами на них.

– ... стороны криминального мира? Не вызовет ли это новую войну банд, сопровождаемую волной уличного насилия, как это бывало прежде?

– Безусловно, реакция последует, но времена меняются, Джерри, так что, скорее всего, внутренний суд этой организации или, скажем так, корпорации будет закрыт, и приговоры его будут исполняться так же невидимо обывателю, который заметит разве что газетную заметку о найденном в Гудзоне трупе с кирпичом, привязанным к шее. А вот тот, кто исполнил приговор в отношении мистера Бадольдини, вероятнее всего станет жертвой настоящей охоты не только со стороны бюро и полиции. Если он совершил убийство по собственной воле, то восстановил против себя всю эту систему, если же действовал по указанию какой-либо из группировок, то семья убитого не останется к этому равнодушной, можете не сомневаться.

– То есть убийце следует опасаться не только федералов?

– Безусловно, Джерри! Более того, федералов ему следует опасаться меньше, чем своих коллег по цеху, потому что они обладают не только разветвлённой сетью организаций на местах, но сверх того ещё и не сдерживаются инструкциями, законами и установлениями. Поэтому, хоть всегда и кажется, что убежать проще, чем догонять, но эти охотники будут загонять жертву последовательно и профессионально.

– Как вы полагаете, профессор, как поступит в такой ситуации убийца: станет скрываться, сменит документы, постарается покинуть страну?

– *Документы сменит обязательно, хотя у людей его профессии документы сменены так много раз, что едва ли можно говорить о подлинности каких-либо из них.*

– *Главное в такой круговерти не потерять ещё и собственную личность, не...*

– Не позавидуешь этому парню, – задумчиво протянул Адамс, – надеюсь, его работа хотя бы хорошо оплачена.

– А я думаю, это не самая худшая работа: в случае успеха он получает большие, вероятно, очень большие деньги, в случае неудачи его ждёт тюрьма, скорее всего, в максимально комфортных условиях и с перспективами расстаться с этим заведением пораньше. В самом худшем случае он будет убит. А, скажем, ты во время военной службы рисковал быть убитым или покалеченным, уж не знаю, что хуже; может быть, попасть в плен, что, наверное, похуже тюрьмы. В случае успеха же ты получал установленную не самым щедрым законом зарплату, пайку и, при особом героизме, жестяную медаль.

– Убедил, – усмехнулся Адамс, – если вдруг война, и меня снова призовут – дезертирую прямо в цепкие объятия мафии, сделаю карьеру киллера.

– *...случай: сегодня ранним утром в штате Нью-Йорк, недалеко от границы с Мичиганом, от закуской возле шоссе был угнан Ford 49-го года, принадлежавший пожилой паре, которая в это время как раз в закуской завтракала. Рядом с местом, где стояла пропавшая машина, был*

обнаружен Packard, под дворником которого была записка, в которой некто, вероятно, хозяин Packard'a, в не лишённых изящности выражениях извинялся перед хозяевами Ford'a за доставленные неудобства, и предлагал временно воспользоваться оставленным роскошным автомобилем. Полицией было установлено, что Packard числится за неким Бартоломео Мэнко, впрочем, никаких следов существования этого джентльмена обнаружить не удалось – ни страховок, ни банковских счетов, даже паспорт на это имя никогда не выдавался. Пропавший же Ford был обнаружен аккурат на границе штатов. Как вы полагаете, профессор, может ли это быть таким нетривиальным ходом таинственного киллера для заматания следов? Смена машины на неприметную, может быть, не один раз?

– Вы совершенно правильно назвали этот ход нетривиальным, Джерри. На самом деле, смена машины, тем более такой приметной, вполне естественное решение в ситуации, подобной той, в которой оказался наш Гудзонский Ассасин. Но вот делать это, нарочито привлекая внимание, показательно, если можно так выразиться – это, конечно, действительно решение необычное. Хотя здесь удивляться нечему, ибо наш неуловимый герой, очевидно, вообще личность неординарная. Однако в связи с этим возникает...

– Святые угодники! – лицо Сиззи пылало классовой ненавистью к разбазаривателю Packard'ов. – Вот уж где настоящие преступления! И стариков тех ничему жизнь не научи-

ла, лучше бы взяли машину, чем звать копов.

– Да, хорошая была бы сделка, – кивнул Адамс. – Хотя я бы и от того Ford'a не отказался, мой Dodge совсем уж ни к чёрту не годится.

– ... то есть, на самом деле, убийца мог направиться совсем не на Запад?

– Безусловно, Джерри, зачем же ему указывать истинное направление своего бегства? С другой стороны, как раз на это может быть расчёт – что никто не поверит в такое явное указание, и парень спокойно доедет до Сиэтла. С третьей же стороны, можно поступить ещё хитрее и вообще никуда не бежать, а залечь на дно прямо в Нью-Джерси, в то время, как по всей стране куча народу будет с ног сбиваться в его поисках.

– Интересно, обычно говорят о двух сторонах... Ваш прогноз, профессор, куда направится убийца, при всей его неординарности?

– Полагаю...

– Крепкие же нервы должны быть у парня, чтобы оставаться дома, когда ты словно голливудская звезда, преследуемая назойливыми фотографами, только вместо фотографов суровые парни с оружием, а вместо фото – пуля в голову.

– Хорошо ещё, если сразу в голову. Ну не идиот же этот молодчик, чтобы сидеть на месте, как белка в клетке, наверняка уже в Портленде или где-нибудь на западе Канады садится на корабль до экзотичных островов, где все ходят в на-

бедренной повязке и пьют коктейли со смешным маленьким зонтиком.

Адамс задумчиво проводил взглядом встречную машину, материализовавшуюся из пыльного облака, и так же прозрачно исчезнувшую в мареве каролинской послеполуденности где-то позади:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.